

# Э Т И К А

И

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Ф. Р. ІОДЛЬ,

Профессора Пражскаго Университета.

---

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО  
АЛЕКСАНДРА Острогорскаго.

Цѣна 20 к.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія А. Лейферта, Большая Морская, 65.

1898.

52 стр. (19 x 11), (б.ч.7. см. стр. даль)

Житие социальное



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Февраля 1898 г.

Всякій прогрессъ знанія основывается на двухъ особенностяхъ человѣческаго ума: во первыхъ, на его способности расчленять сложныя явленія природы и жизни на ихъ составныя части, и, во вторыхъ, на умѣнии не потерять за этимъ искусственнымъ расчлененіемъ общаго взгляда на взаимное соотношеніе, въ которомъ находится между собой все въ природѣ. Преобладаніе той или другой способности зависитъ не отъ одной индивидуальности каждаго изслѣдователя; оно является характерной чертой цѣлыхъ столѣтій.

Въ наше время вообще не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ выраженія культурной жизни, которыя мы обозначаемъ словами: нравственность, право и народное хозяйство, представляютъ собою одно тѣсное цѣлое, части котораго находятся между собой во взаимоотношеніи и въ дѣйствительности ни на минуту не существуютъ раздѣльно другъ отъ друга.

Тѣмъ не менѣе начало научнаго пониманія и изслѣдованія этихъ элементовъ жизни основывается на попыткѣ ихъ разграничить и разсматривать ихъ самостоятельно. И если такое различеніе права и обычая произошло относительно довольно рано, благодаря выдающимся юридическимъ способностямъ римскаго народа, то изслѣдованіе экономической жизни отдѣльно какъ отъ правовой, такъ и отъ этической жизни народа было предпринято лишь въ довольно недавнее время. Тогда только и началось изслѣдованіе внутреннихъ законовъ и условій этой области культурной жизни.

Это выдѣленіе политической экономіи въ самостоятельную науку тѣсно связано съ именемъ шотландскаго философа *Адама Смита*, не смотря на существованіе у него съ 17 столѣтія предшественниковъ, подготовившихъ этотъ рѣшительный шагъ.

Мы въ своемъ изслѣдованіи еще потому должны начать съ *Адама Смита*, что у него съ особенной ясностью проявляется разграниченіе этихъ областей: нравственность и политическая экономія выступаютъ у него какъ двѣ строго разграниченныя группы явленій. Послѣ появленія въ 1759 году его «Теоріи нравственныхъ чувствъ», которую можно назвать послѣднимъ словомъ англо-шотландской школы, стремившейся дать этикѣ теоретическое обоснованіе, въ 1766 году выходитъ его несравненно болѣе знаменитое сочиненіе: «О природѣ и причинахъ народнаго богатства». Политическая экономія становится послѣ этого самостоятельной наукой.

Оба эти сочиненія, другъ друга дополняя, составляютъ одно цѣлое. Разсматривая человѣка какъ нравственное существо, мы должны показать, какъ на его природу вліяетъ то присущее ему чувство симпатіи, которое заставляетъ его выходить за узкіе предѣлы своего *я* и усвоить себѣ мотивы, чувствованія и мнѣнія другихъ лицъ, для того чтобы пріобрѣсть правила для сужденія о своихъ и чужихъ желаніяхъ. Желая понять хозяйственную жизнь народовъ, нужно, разсматривая человѣка какъ эгоиста, показать, какъ всѣ единичныя воли индивидуумовъ, направленные на достиженіе экономическаго благополучія, приводятъ въ движеніе механизмъ хозяйственной жизни и поддерживаютъ его ходъ. Естественное стремленіе каждаго человѣка направлено на улучшеніе своего положенія; всякій, слѣдовательно, старается возможно дешевле и лучше купить и возможно дороже и хуже продать. Удовлетвореніе потребностей съ одной стороны и возможность полученія выгоды и существованія въ обществѣ съ другой стороны зависятъ, стало быть, вполнѣ отъ взаимнаго регулированія этихъ обѣихъ тенденцій, проходящихъ въ безчисленныхъ комбинаціяхъ чрезъ всю экономическую жизнь. Эти сами себѣ прокладывающія путь требованія хозяйственной жизни выражаются ежеминутно въ колебаніяхъ курса, въ измѣненіяхъ цѣнъ, въ повышающемся и понижающемся размѣрѣ процента, въ платѣ, въ прибыли и т. д.; они служатъ компасомъ для всякаго, желающаго что ни-



будь предпринять для собственной выгоды. Исслѣдованіе законовъ, по которымъ дѣйствуютъ эти силы, и есть задача науки о народномъ хозяйствѣ, т. е. политической экономіи.

Уже Адамъ Смитъ показалъ далѣе въ этомъ сочиненіи, что тѣ же силы, которыя вліяютъ на рабочій рынокъ и на производство товаровъ, опредѣляютъ также въ каждое данное время состояніе населенія.

Если требованіе на рабочія руки все растетъ, то повышающаяся вслѣдствіе этого заработная плата необходимымъ образомъ способствуетъ увеличенію браковъ и размноженію рабочихъ въ такой степени, что постоянно возрастающее населеніе соотвѣтствуетъ постоянно увеличивающемуся спросу. Если же приростъ рабочихъ становится чрезмѣрнымъ, то заработная плата уменьшится, и недостатокъ въ жизненныхъ средствахъ положитъ предѣлъ дальнѣйшему увеличенію народонаселенія, выразившись въ большей смертности дѣтей въ низшихъ слояхъ населенія. Отсюда слѣдуетъ то, что позже было названо «желѣзнымъ закономъ заработной платы», и что Тюрго еще выразилъ въ слѣдующемъ положеніи: при всякаго рода работѣ, въ концѣ концовъ, заработная плата сократится до того минимума, который необходимъ для существованія и размноженія рабочаго. При этомъ не слѣдуетъ никогда забывать (какъ на это указываетъ Рикардо), что эта естественная цѣна труда не можетъ быть чѣмъ нибудь постояннымъ, но что она

въ различныя времена и въ одной и той же странѣ, а еще болѣе въ различныхъ странахъ, подлежитъ сильнымъ колебаніямъ.

Если такимъ образомъ хозяйственная жизнь представляетъ собой механизмъ, самъ собой регулирующійся, благодаря дѣйствующимъ въ немъ силамъ, то отсюда послѣдователи этой теоріи выводятъ, что всякое внѣшнее воздѣйствіе на ходъ экономическаго развитія есть зло. Всего рѣшительнѣе поэтому возстаетъ новое ученіе противъ всякихъ стремленій государства опредѣлить какимъ нибудь закономъ формы и направленія хозяйственной жизни.

Существуетъ по этому ученію только одинъ принципъ разумной экономической политики: невмѣшательства законодательства въ дѣло торговли и промышленности. Государство, по этой теоріи, есть не что иное, какъ вооруженная сила, защищающая общество противъ всякаго акта насилія со стороны другихъ самостоятельныхъ обществъ и гарантирующая вѣрность договоровъ, по которымъ люди распоряжаются своимъ имуществомъ и пользуются своими хозяйственными средствами. Государство не можетъ изъ своихъ видовъ предписывать, какіе предметы должны производиться, по какой цѣнѣ ихъ долженъ продавать производитель, подъ какимъ условіемъ можно занимать или одолжать деньги. Во всѣхъ этихъ случаяхъ государство своимъ вмѣшательствомъ скорѣе бы принесло вредъ, чѣмъ пользу. Законодатель не въ состояніи

обозрѣть всѣхъ многочисленныхъ и запутанныхъ явленій экономической жизни; отдѣльныя же лица знаютъ очень хорошо свои интересы и умѣютъ сообразно съ ними поступать. Если ктонибудь, напримеръ, станетъ требовать за свою услугу болѣе высокую цѣну, чѣмъ это слѣдуетъ по положенію вещей, то онъ очень скоро научится иначе поступать, когда замѣтитъ убыль своихъ кліентовъ. Тотъ же, кто соглашается на самыя высокія требованія другого, обнаруживаетъ столь великую потребность, что удовлетвореніе ея при всякихъ обстоятельствахъ есть благодѣяніе, между тѣмъ какъ эта крайняя нужда покупателя быть можетъ, вознаграждаетъ продавца за потери, понесенныя имъ на чемънибудь другомъ.

Положительныхъ же услугъ государство не можетъ оказать обществу, ибо по отношенію ко всякому закону, если и нѣтъ другихъ опровергающихъ его причинъ, всегда существуетъ поводъ, котораго должно быть достаточно для устраненія этого закона: а именно посягательство его на свободу. Она необходима какъ двигательная сила, какъ импульсъ, ибо сумма благополучія достигается всего лучше тогда, когда каждый въ отдѣльности заботится о себѣ самомъ; государство же должно слѣдить лишь за тѣмъ, чтобы каждому было предоставлено столько свободы, сколько можетъ дозволить общественный порядокъ.

Между тѣмъ какъ среди всеобщаго соревнованія всякій вынужденъ въ высшей степени напря-



гать свои способности для открытія новыхъ путей  
наживы или же въ чемъ нибудь отличиться передъ  
другими, постоянно возникаютъ все новыя отрасли  
промышленности, техники, торговли и даже новыя  
области наукъ и искусствъ: жизнь народа склады-  
вается богаче, энергичнѣе и изящнѣе; социальный  
организмъ достигаетъ высшей ступени внутрен-  
няго устройства и силы. По этой-то причинѣ и  
надо смотрѣть какъ на зло на все, что своимъ  
вмѣшательствомъ препятствуетъ естественнымъ  
условіямъ этого соревнованія. Какъ превратно по-  
ступило бы государство, еслибы оно, на примѣръ,  
какими нибудь постановленіями заставило потре-  
бителя дорого оплачивать тотъ или другой товаръ  
или трудъ, когда онъ можетъ при естественныхъ  
условіяхъ рабочаго рынка приобрести то же самое  
гораздо дешевле; какъ съ хозяйственной точки  
зрѣнія неразумно бы было продолжать веденіе ка-  
кого нибудь дѣла, которое не даетъ требуемыхъ  
результатовъ, и поэтому неспособно выдерживать  
конкуренціи. Равнымъ образомъ такъ же мало  
могутъ претендовать на общественную помощь тѣ,  
которые оказываются неспособными занять соотвѣт-  
ствующее мѣсто на великомъ жизненномъ пиру.  
Никто не имѣетъ права требовать себѣ отъ обще-  
ства средствъ на существованіе, если онъ не въ  
состояніи приносить ему пользу своимъ трудомъ  
или разумнымъ употребленіемъ капитала. При-  
знать такое право значило бы содержать всѣхъ  
легкомысленныхъ, лѣнивыхъ и негодныхъ людей



на сбереженія, сдѣланныя обществу предусмотрительными, дѣятельными и полезными его членами, и обречь на нищету не только худшихъ членовъ, но и все общество.

Вся бѣдность, говорилъ Мальтусъ, дополнившій ученіе Адама Смита объ избыткѣ населенія, произошла отъ невѣжества и неразумія рабочихъ классовъ, имѣющихъ стремленіе размножаться, на сколько только позволяютъ это имѣющіяся у нихъ средства къ жизни, и поэтому заработная плата можетъ подняться выше минимума, необходимаго для существованія лишь на самое короткое время. Еслибы не дать этому классу чувствовать послѣдствій ихъ положенія, то скоро въ такомъ же состоянїи нищеты очутимось-бы все общество. Единственное, что, пожалуй, можетъ быть допущено, — это добровольная и временная поддержка, оказываемая болѣе зажиточными людьми, какъ актъ милосердія, до тѣхъ поръ, пока бѣдные не научатся лучше понимать наставленія природы.

Это воззрѣніе, высказанное Мальтусомъ въ приведенныхъ строкахъ, не взирая на свою кажущуюся жестокость, по крайней мѣрѣ въ конечномъ своемъ выводѣ, напоминаетъ смитовское противоположеніе политической экономіи и этики, эгоизма и симпатїи. И у многихъ представителей доктринъ, развивавшихся англійскими классиками политико-экономии, проходитъ мысль, что область нравственности сохранить свое значеніе, среди всеобщей и безпрепятственной приобрѣтательной борьбы, сво-

бодной почти отъ всякихъ правовыхъ рамокъ, и любовь къ ближнему воспрепятствуетъ, по крайней мѣрѣ, самымъ сильнымъ проявленіямъ эгоизма, — этого волей-неволей необходимаго регулятора въ хозяйственной жизни — совершенно такъ же, какъ никакое строительное искусство не можетъ вполнѣ уничтожить тренія двигающихся частей машины, масло же только препятствуетъ весьма сильному нагрѣванію. Однако, чѣмъ больше было впечатлѣніе, произведенное необычайнымъ экономическимъ развитіемъ въ послѣднія десятилѣтія, чѣмъ больше всѣмъ извѣстные факты, (какъ, напр., громадные размѣры и распространеніе современнаго производства товаровъ, пользование силами природы, легкость обмѣна и т. д.) привлекали къ себѣ вниманіе экономистовъ, тѣмъ болѣе было въ ихъ интересахъ упростить существовавшую теорію и оставить безъ вниманія призывъ къ проявленію симпатіи и любви къ ближнему. Нѣкоторые представители этики даже приложили свою руку къ этому собственному своему устраненію. Они взяли на себя задачу показать, что эгоизмъ, который политическая экономія считала двигательной силой всей хозяйственной жизни, есть также собственно и основа нравственности. Всѣ нравственные явленія, говорили они, суть нечто иное, какъ себялюбіе, но на тысячу ладовъ замаскированное и скрытое, такъ какъ этого требуютъ сложныя отношенія культурной жизни.

Первый, примѣнившій въ полномъ объемѣ къ

этикѣ это ученіе, былъ французскій мыслитель Гельвецій. Французскому же экономисту, Бастиа, принадлежитъ честь съ большимъ успѣхомъ сдѣланнаго указація на возможность полнаго исключенія нравственности изъ экономической жизни. Въ своемъ сочиненіи «*Harmonies économiques*» (Экономическія гармоніи) онъ поетъ восторженный гимнъ Провидѣнію, обнаруживающемуся въ механизмѣ соціальной жизни еще болѣе удивительнымъ образомъ, чѣмъ въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ. Тароватая на выдумки природа, создающая все, даже самое великое, простѣйшими средствами, такъ устроила соціальныи порядокъ, что дѣйствія, въ своей конечной причинѣ лишеныя нравственнаго элемента, т. е. исходяція изъ собственнаго интереса, тѣмъ не менѣе ведутъ къ тѣмъ же результатамъ, какихъ ожидаютъ моралисты отъ добродѣтели, самообладанія и челоуѣколюбія, т. е. къ всеобщему благополучію.

Но это воззрѣніе утвердилось еще болѣе и въ особенности укрѣпился такой оптимистическій взглядъ на экономическую жизнь, вполне представленную своимъ собственнымъ жизненнымъ силамъ, когда, благодаря Дарвину, получилъ такое распространеніе принципъ эгоистическаго приобрѣтенія. Онъ показалъ, что силы, которыя управляютъ экономическимъ развитіемъ народовъ, и есть всеобщіе законы органической природы, объясняющіе ея развитіе изъ примитивнѣйшихъ формъ и уясняющіе прогрессъ въ природѣ. Все живущее,

училъ Дарвинъ, борется въ борьбѣ за существованіе. Въ этой борьбѣ выживаютъ лишь тѣ, кто въ состояніи приспособиться къ извѣстнымъ цѣлямъ и отношеніямъ, кто умѣетъ сообразно съ этимъ организоваться и совершенствоваться въ опредѣленномъ, соотвѣтствующемъ обстоятельствамъ, отношеніи. Всѣ слабые, непригодные для борьбы, въ ней погибаютъ; дѣятельные и сильные совершенствуются вслѣдствіе постоянного измѣненія и новаго приспособленія, которое еще увеличивается путемъ наслѣдственной передачи.

Этимъ самымъ было какъ бы завершено все зданіе; принципъ самосохраненія и эгоизма былъ опредѣленъ какъ главный рычагъ всеобщаго мірового прогресса. Удача при такихъ условіяхъ является своего рода Божиимъ судомъ, «горе побѣжденнымъ» — предопредѣленіемъ судьбы; ни съ чѣмъ не считающееся проявленіе своей силы — секретъ успѣха; несчастіе побѣжденныхъ въ этой всемогущей борьбѣ есть условіе будущаго процвѣтанія.

Мы не имѣемъ возможности подробнѣе остановиться на выясненіи сущности тѣхъ воззрѣній, которыя со времени появленія «Народнаго богатства» Адама Смита сдѣлались весьма распространеннымъ, если не сказать, господствующимъ направленіемъ въ политической экономіи. Конечно, при такомъ обѣломъ обзорѣ нельзя было указать ни на постепенное развитіе этихъ воззрѣній, ни входить въ болѣе близкое разсмотрѣніе тѣхъ безчисленныхъ оттѣнковъ, которые они получили у отдѣльныхъ

представителей этого принципа. Для нашей цѣли совершенно достаточно, если намъ удалось съ извѣстной наглядностью представить по крайней мѣрѣ основы той системы, которая почти въ теченіе столѣтія въ болѣе и болѣе возрастающей степени господствовала въ теоріи и практикѣ жизни культурныхъ народовъ. Если обратиться къ критической оцѣнкѣ этихъ воззрѣній, совершенно разъединяющихъ этическую и экономическую точки зрѣнія, и даже дѣлающихъ первую изъ нихъ излишней, такъ какъ механизмъ экономической жизни производитъ будто-бы собственной силой то, чего этика ожидаетъ отъ осуществленія своихъ идеаловъ,—то прежде всего придется подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ, въ какой степени дѣйствительность оправдываетъ тотъ оптимизмъ, въ которомъ главнымъ образомъ и основывается вѣрность всѣхъ вышеприведенныхъ утверждений. ✓

Кромѣ того, всякій этикъ могъ-бы привести и другое вѣское возраженіе. Такъ можно вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ возразить экономистамъ, что механизмъ хозяйственной жизни въ концѣ концовъ долженъ привести къ извѣстному равновѣсію—къ состоянію всеобщаго благополучія: слѣдовательно, къ такому состоянію, когда всѣ люди будутъ проникнуты чувствомъ справедливости. Но внутренняя сущность и происхожденіе обоихъ этихъ состояній діаметрально противоположны: въ послѣднемъ случаѣ это было бы такое положеніе вещей, когда никто не желалъ бы поступать несправед-

ливо; въ первомъ же случаѣ, — когда никто не хотѣлъ бы терпѣть несправедливости и старался бы во всей полнотѣ употребить всѣ необходимыя для этой цѣли средства.

Если смотрѣть на вещи только съ внѣшней стороны, судить о нихъ съ точки зрѣнія результата, то онъ одинаково можетъ получиться при двухъ прямо противоположныхъ способахъ дѣйствія: такъ кругъ можно начертить по двумъ противоположнымъ направлениямъ. Хищный звѣрь въ намордникѣ такъ же безвреденъ, какъ травоядное жироное. Но тогда совсѣмъ исчезла бы такая дивная вещь, какъ внутренняя чистота помысловъ.

Экономистъ въ свою очередь могъ бы возразить, что и здѣсь лучшее есть врагъ хорошаго, и что при тысячу разъ доказанномъ безсиліи нравственныхъ идеаловъ и нравственныхъ наставленій, слѣдуетъ во всякомъ случаѣ предпочесть состояніе общаго блага, не опирающееся на нравственныя чувства и человѣколюбивое настроеніе, состоянію неприятнаго безпорядка, когда нравственная проповѣдь бесплодно пытается преодолѣть человѣчскій эгоизмъ, вмѣсто того, чтобы просто воспользоваться имъ какъ своимъ орудіемъ.

Итакъ, и этотъ ходъ мыслей снова приводитъ насъ къ тому же вопросу: насколько справедливъ и основателенъ оптимизмъ той экономической доктрины; такъ ли цѣнны наблюденія, сдѣланныя въ теченіе столѣтія отъ 1766 до 1866 года надъ дѣйствіемъ этой доктрины, и настолько ли она полу-

чила примѣненіе на практикѣ, чтобы служить подтвержденіемъ этой теоріи? На самомъ же дѣлѣ примѣненіе ея въ жизни произошло только отчасти и то въ весьма различной степени. Полнаго осуществленія ея идеаль экономической жизни нигдѣ не получилъ; нигдѣ государство не предоставило своей руководящей роли отдѣльнымъ лицамъ или ихъ ассоціациямъ, ограничившись только исключительно функціями высшей охранительницы покоя гражданъ. Весьма различна также была продолжительность дѣйствія этой системы, такъ какъ вліяніе ея на практику хозяйственной жизни и на законодательство зависятъ отъ состоянія торговли, промышленности и политическаго развитія каждой страны. Такъ вліяніе этой системы гораздо раньше проявилось въ Англіи и въ Америкѣ, чѣмъ во Франціи и въ Бельгіи, а въ этихъ странахъ оно обнаружилось опять-таки раньше, чѣмъ въ Германіи и въ Австріи. Но и сдѣланныя наблюденія, хотя они отчасти и не полны, все-же весьма значительны, и ихъ достаточно, чтобы придти къ заключенію, что надежда послѣдователей вышеизложенной теоріи на то, что механизмъ хозяйственной жизни, самъ себѣ предоставленный, исключительно эгоизмомъ управляемый, можетъ привести къ царству блаженства и всеобщаго прогресса, есть одна иллюзія. И эти наблюденія, по крайней мѣрѣ часть ихъ, сдѣланы надъ главными основами системы, такъ что даже не можетъ имѣть мѣста оговорка, что система, недостаточно проведенная, не могла-де



проявить всего своего дѣйствія и вліянія, и что, особенно, не могли обнаружиться коррективы, лежащіе въ самомъ принципѣ полной экономической свободы.

Если соединить всѣ эти наблюденія въ одно, то можно сказать слѣдующее: теорія, полагающая, что экономической эгоизмъ, не признающій, насколько это возможно, никакихъ рамокъ и ограниченій, и ни съ чѣмъ не считающаяся погоня за жизненными благами содержать въ себѣ самихъ необходимый коррективъ для исправленія создаваемого ими зла и для положительнаго содѣйствія человѣческому счастью, — эта теорія оказалась научнымъ суевѣріемъ, и она можетъ претендовать на значеніе лишь въ болѣе ограниченной области явленій и въ вполнѣ опредѣленномъ смыслѣ. Благодѣтельное вліяніе свободной конкуренціи можетъ, очевидно, имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ условія и исходный пунктъ приблизительно между собою равны, или когда въ борьбѣ за существованіе выступаютъ на сцену всегда только личныя качества, а не имущественныя блага. Какъ примѣръ перваго случая можно привести два капиталистическихъ предпріятія въ одной и той же отрасли промышленности. На ихъ производствѣ несомнѣнно благоприятно отразятся послѣдствія конкуренціи, выразившись въ усовершенствованіи товаровъ, болѣе упрощенныхъ способахъ изготовленія и уменьшенія цѣны. Примѣръ другого случая представляетъ собой весь животный міръ. И поэтому-то и здѣсь борьба за существованіе

имѣеть ту сохраняющую и возвышающую силу, тысячу доказательствъ которой мы находимъ въ естественной исторіи.

Но картина совершенно мѣняется, если тотъ-же принципъ перенести на отношенія различныхъ классовъ общества. Здѣсь весьма часто условія съ самаго начала до того неодинаковы, какъ неодинаковы силы голаго дикаря, имѣющаго только лукъ да стрѣлы, и современнаго воина, вооруженнаго по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Наряду съ крупнымъ капиталистомъ-предпринимателемъ, который во многихъ случаяхъ можетъ спокойно выжидать момента, когда обстоятельства сложатся для него наиболѣе благопріятнымъ образомъ, мы видимъ болѣе мелкаго производителя, который послѣ какой-нибудь хозяйственной неудачи уже, пожалуй, долженъ прибѣгнуть къ чужой помощи, чтобы продолжать вести свое дѣло; еще ниже на этой общественной лѣстницѣ стоитъ немущій рабочій, который вынужденъ продавать свой трудъ, чтобы снискивать себѣ пропитаніе. Онъ, какъ само собою понятно, не въ состояніи выдерживать конкуренціи, даже больше того, онъ совершенно беззащитенъ, какъ только упускаются изъ вниманія нравственныя и правовыя соображенія, а на сцену выступаетъ, какъ руководящая и правящая сила, исключительно одинъ эгоизмъ.

И было-бы самообманомъ или игрой въ софизмы думать, что низшіе въ экономическомъ отношеніи классы защищены отъ власти и могущества круп-

наго капитала тѣми формальными правами и той свободой, которыя необходимо вытекаютъ изъ этой системы. Правда, что мелкій предприниматель можетъ искать себѣ капитала, гдѣ и на какихъ условіяхъ ему угодно. Но если у заимодавцевъ на первомъ планѣ стоятъ ихъ собственные интересы, то въ девяти изъ десяти случаевъ это будутъ самыя тяжелыя условія, которымъ ему придется подчиниться. Правда также, что никто не заставляетъ рабочаго согласиться на такую-то заработную плату или вообще на извѣстныя условія, онъ можетъ обратиться куда угодно, онъ можетъ самъ заняться какимъ-нибудь производствомъ. Но насколько сомнительны всѣ эти преимущества для того, кто не можетъ ждать и выбирать, кто прежде всего долженъ зарабатывать, чтобы жить, и, быть можетъ, въ случаѣ напраснаго исканія лучшаго, подвергается опасности лишиться всѣхъ своихъ съ трудомъ сдѣланныхъ сбереженій. Но и съ этой оговоркой все-таки нельзя никакъ признать равныхъ условій положенія обоихъ классовъ. То-же самое государство, которое своими законами объ акціонерныхъ компаніяхъ столь необычайно облегчаетъ ассоціаціи капиталистовъ, неоднократно въ своемъ законодательствѣ ставило препятствія къ соединенію рабочихъ, которымъ само собой и безъ того тяжело бороться въ силу незначительности и раздробленности ихъ интересовъ. То-же государство, которое, слѣдуя принципу свободы и конкуренціи, отдаетъ беззащитнаго рабочаго во власть капита-



листа, тщательно защищает капиталиста от всякаго взрыва эгоизма рабочихъ: напимѣрь, от насильственнаго требованія лучшихъ условій работы, и не обращаетъ никакого вниманія на массу случаевъ, когда капиталистъ проявляетъ свое экономическое превосходство такимъ образомъ, который отличается отъ открытаго сопротивленія рабочихъ не своимъ нравственнымъ достоинствомъ, а лишь тѣмъ, что одно подводится подъ уголовное преступленіе, а другое — нѣтъ.

Защита сильного, полное обезоруженіе слабого, таковъ былъ и всегда есть смыслъ того требованія полной свободы экономического развитія, полного невмѣшательства права и государства въ промышленную жизнь народа. Эта теорія оказалась нелѣпой и вредной не случайно; капиталистическое производство прекрасно это понимало и вполне сознательно пользовалось этимъ для своихъ цѣлей. Тамъ, гдѣ человѣческой трудъ превращается въ товаръ (а что это въ извѣстномъ смыслѣ, съ точки зрѣнія всякаго экономического воззрѣнія на жизнь, такъ и есть, никто отрицать не будетъ), — тамъ стремленіе добыть этотъ товаръ возможно дешевле и съ наименьшимъ рискомъ естественнымъ образомъ очень скоро отбѣснить на задній планъ всѣ другія соображенія, и обнаружится явная или скрытая тенденція по возможности понизить общій уровень рабочаго класса, потому что этимъ самымъ онъ потеряетъ силу сопротивленія, сдѣлается зависимѣе и трудъ его станетъ дешевле. Эти условія въ

существенныхъ своихъ чертахъ остаются повсюду тѣ-же, безразлично отъ того, будетъ-ли то крупная фабричная промышленность, мелкій промыселъ или весьма часто замѣняющее его, особенно въ большихъ городахъ, кустарное производство. То-же самое примѣнимо и къ отношеніямъ крестьянина къ деревенскому кулаку или къ землевладѣльцамъ, громадныя помѣстья которыхъ обрабатываются его трудомъ.

Есть одно чисто экономическое воззрѣніе, довольствующееся тѣмъ, чтобы вообще что-нибудь производилось, чтобы предметы этого производства по возможности меньше стоили, и получаящаяся при ихъ обмѣнѣ прибыль возможно скорѣе удвоила-бы первоначальный капиталъ и тѣмъ самымъ приводила-бы къ новому соотвѣтственному расширенію производства. И, пожалуй, даже стоя на этой исключительной точкѣ зрѣнія, можно, въ виду постоянно происходящихъ кризисовъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, задаться вопросомъ, не ведетъ-ли въ концѣ концовъ къ самоуничтоженію такой экономической принципъ, который какъ-бы систематически стремится парализовать покупательную силу обширныхъ слоевъ своего собственнаго народа постояннымъ пониженіемъ ихъ *standard of life*.

Но вѣдь эта теорія обѣщала не одни только экономическіе результаты, а гораздо больше: а именно, гармоническій общественный порядокъ и приближеніе къ всеобщему счастью. Насколько

основательны обѣщанія экономическаго благосостоянія, мы уже это видѣли; еще хуже дѣло обстоитъ со вторымъ обѣщаніемъ, т. е. съ надеждой воцаренія всеобщаго благополучія.

Врядъ-ли кто-нибудь рѣшится приложить такой эпитетъ къ тому состоянію, которое повсюду стремится произвести экономическая жизнь, вполне себѣ самой предоставленная въ своемъ развитіи подъ эгидой капитала и свободной конкуренціи. Крестьянское и городское среднее сословіе въ упадкѣ, въ большихъ городахъ и въ центрахъ промышленнаго производства громадными массами скопившійся пролетаріатъ; какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи онъ стоитъ на весьма низкой ступени, постоянно измѣняющіяся условія рабочаго рынка сдѣлали его неувѣреннымъ въ своемъ существованіи, ночная работа, трудъ женщинъ и дѣтей деморализировали его и лишили его той нравственной поддержки, которую представляетъ семейная жизнь; политическій прогрессъ, стоящій въ поразительномъ противорѣчьи съ экономическимъ, далъ ему право голоса; среди роскоши богачей, особенно въ большихъ городахъ, онъ подвергается на каждомъ шагѣ величайшему соблазну, и даже промышленность, ищущая себѣ сбыта, окружаетъ его тысячею искушеній. А надъ этими массами пролетарія возвышается денежная аристократія, управляющая рынкомъ и съ суверенной властью диктующая низшимъ классамъ условія заработной платы; она все держитъ въ своихъ рукахъ и съ



какой-то необъяснимой силой привлекаетъ къ себѣ мелкіе капиталы. Здѣсь извѣстное намъ отдѣленіе права отъ нравственности и вмѣстѣ съ тѣмъ относительно большая свобода экономическихъ положеній находятъ себѣ очень широкое примѣненіе.

Такимъ образомъ поговорка: «Man erwirbt die Millionen nicht, ohne mit dem Aermel an das Zuchthaus zu streifen» (кто милліоны нажилъ, тотъ былъ близокъ къ тюрьмѣ, или наша русская пословица: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ») есть типическое доказательство той социально-экономической фривольности, которая въ гигантскихъ размѣрахъ проявляется во всѣхъ высшихъ операціяхъ капитализма и весьма мало пригодна для того, чтобы дать рабочимъ классамъ истинное представленіе о высшемъ значеніи капиталистическаго хозяйства.

Итакъ, тотъ натуралистическій оптимизмъ, который думаетъ, что дѣйствіе нравственно-идеальныхъ силъ можетъ замѣнить механизмъ хозяйственной жизни, совершенно предоставленный себѣ самому и своимъ внутреннимъ законамъ, оказывается при свѣтѣ фактовъ новѣйшей исторіи политической экономіи совершенно неосновательнымъ. Но довольно часто въ отвѣтъ на рѣзкое и открытое порицаніе этихъ явленій противопоставляется возраженіе, что этой теоріи полного предоставленія свободы пользования экономическими силами не можетъ быть сдѣланъ никакой упрекъ, такъ какъ она есть точ-

ное выраженіе управляющихъ всею хозяйственной жизнью народовъ естественныхъ законовъ, на неизмѣнность которыхъ нисколько не вліяетъ то, какъ отражается на насъ ихъ дѣйствіе: пріятны или непріятны результаты ихъ вліянія. Но и этотъ аргументъ не выдерживаетъ критики. Никто, конечно, не станетъ оспаривать того, что явленія современной экономической жизни суть дѣйствіе естественныхъ законовъ,—доказательствомъ тому служить ихъ реальность. Что научная теорія политической экономіи, по крайней мѣрѣ, отчасти правильно анализировала эту дѣйствительность, тоже возможно. Но какое-же это доказательство неизмѣнности этихъ явленій? Неизмѣнны вѣдь только сами естественные законы, но ничуть не всегда тѣ условія, при которыхъ они дѣйствуютъ, и явленія, которыя изъ нихъ происходятъ. И это особенно примѣнимо къ тому моменту, когда въ событія входитъ, какъ дѣйствующій факторъ, человѣческая воля. Какъ ни велика зависимость самого человѣка отъ разнообразнѣйшихъ условій, онъ все таки носитъ въ себѣ законъ своей природы и тѣ идеальныя требованія и сужденія, съ которыми онъ подходитъ ко всѣмъ вещамъ и старается ихъ подвести подъ нормы; и это во всякомъ случаѣ весьма значительная новая сила, вступающая въ кругъ событий.

При встрѣчѣ съ невозможнымъ, т. е. когда условія какого-нибудь явленія или событія лежатъ внѣ власти человѣческой воли, эта сила, конечно, встрѣ-



часть сопротивленіе и разбивается объ него. Все, что мы въ состояніи сдѣлать по отношенію къ космическимъ явленіямъ, это стараться ихъ предусмотрѣть, чтобы не быть застигнутыми ими врасплохъ. Но вся человѣческая культура представляетъ собой рядъ стремленій взять верхъ надъ природой въ самомъ широкомъ смыслѣ. Не проходитъ минуты, чтобы человѣческая воля, воспользовавшись силами природы и естественными законами, не создавала безчисленныхъ вещей, которыхъ природа, сама себѣ предоставленная, произвести не въ состояніи. Развѣ паровая машина не находится въ строгомъ согласіи съ законами природы, хотя она и не произрастаетъ въ природѣ? Или развѣ тѣ безчисленные соединенія, въ которыя обращаютъ наши химики различные вещества для опредѣленія ихъ состава или полезности, представляютъ собой нарушеніе порядка въ природѣ, потому что природа не производитъ этихъ соединеній въ своихъ лабораторіяхъ? И человѣческій духъ, столь изобрѣтательный въ средствахъ подчинить себѣ безжизненную природу и направить ея таинственныя силы по своему желанію, долженъ ли онъ робко отказаться отъ своего господства тамъ, гдѣ дѣло касается наиболѣе для него близкой и знакомой части природы, а именно міра человѣческой воли, непосредственнымъ продуктомъ котораго и является хозяйственная жизнь? Долженъ ли онъ спокойно, какъ праздный зритель, наблюдать дѣйствіе необузданныхъ силъ природы; не имѣетъ онъ развѣ права

тамъ, гдѣ дѣло касается наиболѣе близкаго ему, ко всему существующему приложить масштабъ идеи и попытаться сообразно съ ней передѣлать дѣйствительность? Не будетъ ли это слѣпое и напрасное сопротивленіе противъ неизмѣннаго? Ничуть! Съ того момента, какъ мы вступаемъ въ сферу человѣческой исторіи, фаталистическое указаніе на неизмѣнность законовъ природы теряетъ свое значеніе. И научное даже объясненіе какого нибудь существующаго состоянія не можетъ однако препятствовать разумной волѣ, если она чувствуетъ себя неудовлетворенной этимъ состояніемъ, противопоставить тому, что есть, то, что должно быть, и съ неотстранимой силой обратиться какъ къ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и къ обществу съ вопросомъ: «что вы сдѣлали съ законами природы?»

Корень, слѣдовательно, всего зла заключается въ томъ, что политическая экономія весьма часто забывала основную разницу между оцѣнкой явленій и ихъ пониманіемъ и думала, что уразумѣніе вытекающей изъ законовъ природы необходимости социальнаго явленія равносильно его оправданію.

Но тамъ, гдѣ не господствовало это заблужденіе, тамъ, гдѣ эта изложенная нами теорія выступала не какъ отраженіе только дѣйствительности въ научныхъ понятіяхъ, но являлась идеаломъ, надъ нею произнесенъ былъ судъ въ тотъ часъ, когда умъ и чувство людей съ отвращеніемъ отвернулись отъ ея послѣдствій.

Итакъ, согласившись относительно этого, остается

отвѣтить на слѣдующій вопросъ: какъ сдѣлать, чтобы политическая экономія и этика находились бы между собою въ болѣе тѣсномъ соприкосновеніи и въ болѣе близкомъ между собою отношеніи, и чтобы практика хозяйственной жизни не такъ рѣзко противорѣчила нашимъ нравственнымъ требованіямъ?

## II.

Отвлеченное разграниченіе, которое пытался провести Адамъ Смитъ между этикой и политической экономіей, мы должны совершенно оставить въ сторонѣ. Поставить въ вину ту утонченную низость и циническую грубость, которыя прикрывались положеніями этой теоріи, всѣмъ ея представителямъ—значило бы возвести на многихъ изъ нихъ, одушевленныхъ самыми благородными мыслями, тяжелое и несправедливое обвиненіе. Уже выше было упомянуто, что Адамъ Смитъ, равно какъ и многіе изъ его сторонниковъ, были далеки отъ того, чтобы отрицать дѣйствіе нравственныхъ законовъ въ области экономической жизни или желать его совершенно устранить. Ихъ основное воззрѣніе было въ сущности не что иное, какъ гипотетическое предположеніе, сдѣланное въ видахъ произведенія опыта, а именно: чего можно достигнуть, если изъ сложнаго хода экономической жизни извлечь какой нибудь, во всякомъ случаѣ весьма значительный, факторъ и попытаться объяснить при его помощи всѣ экономическія явленія. Но хуже всего было то,

что эта вспомогательная гипотеза теории была немедленно сдѣлана догмой для практики и на основаніи того, что нѣкоторыя явленія хозяйственной жизни можно объяснить какъ проявленія эгоизма, былъ сдѣланъ выводъ, что эгоизмъ есть единственная норма, опредѣляющая экономическую жизнь.

Ученіе, гласившее, что человѣку, для того чтобы честно исполнить свою долю общаго дѣла, ничего другого не нужно, какъ возможно рѣшительнѣе искать своей выгоды, необходимыя-же ограниченія самъ собою произведетъ одновременно дѣйствующій эгоизмъ остальныхъ членовъ общества: это ученіе нашло себѣ чрезвычайно благопріятную почву въ нѣкоторыхъ и безъ того достаточно сильныхъ человѣческихъ наклонностяхъ, если не сказать, что оно совсѣмъ почти отодвинуло на задній планъ мысль о симпатіи къ брату-человѣку, какъ о необходимомъ коррективѣ.

Для предупрежденія этой опасности, а также проведенія въ жизнь нравственныхъ требованій любви къ ближнему, въ противоположность экономическому закону безпощаднаго и ни съ чѣмъ не считающагося проявленія своихъ силъ, и образовались *церковныя общества*; дѣятельность ихъ росла и энергія возрастала, чѣмъ больше увеличивалась вызванная манчестерствомъ опасность социальнаго положенія. Только слѣпая ненависть могла не видѣть, сколько необычайно великаго сдѣлали эти христіанскія церковныя общества ученіемъ и примѣромъ, поощреніемъ нравственнаго героизма, сво-



ими великолѣпными заведеніями попеченія о больныхъ и бѣдныхъ, сколько они сдѣлали для того, чтобы не дать погаснуть священному огню любви на алтарѣ человѣчества. Тѣмъ не менѣе надо сознаться, что этимъ церковнымъ общинамъ не удалось даже въ самой ограниченной степени ни уничтожить экономическій эгоизмъ, ни ослабить его разрушительное дѣйствіе. Въ этомъ вовсе не виновато, какъ насъ часто старались въ этомъ увѣрить представители церкви, то обстоятельство, что сфера дѣятельности и вліянія церкви будто бы очень стѣснена развитіемъ современнаго духа и публичнаго права. Ибо какъ разъ тѣ страны, въ которыхъ церковь пользуется такимъ широкимъ вліяніемъ и ничѣмъ нестѣсненной свободой, какъ, напримѣръ, англиканство въ Англіи, католичество въ Бельгіи и во Франціи, и представляютъ собой центры наибольшаго развитія индустріализма и пауперизма; и въ этихъ то странахъ попытки законодательнаго предупрежденія бѣдствій и золь до позднѣйшаго времени встрѣчали величайшее сопротивленіе.

Чѣмъ настоятельнѣе мы будемъ среди соціальной борьбы за существованіе внимать строгому голосу нравственнаго долга, тѣмъ менѣе мы будемъ склонны подвергать столь важный успѣхъ его напоминаній той массѣ случайностей и опасностей, о которыхъ такъ прекрасно говоритъ библейская притча о сѣятелѣ. Тотъ-же голосъ скажетъ намъ, что слѣдуетъ поменьше ограничивать нашу помощь несчастнымъ подачей милостыни, не бросать имъ

объѣдковъ съ роскошнаго стола богачей. При этомъ нѣтъ большой разницы, какъ это дѣлается: такъ-ли, какъ въ Германіи, гдѣ споконъ-вѣку общинѣ вмѣняется государствомъ въ обязанность содержать рабочаго, въ случаѣ полного отсутствія у него средствъ къ пропитанію, вслѣдствіе его неспособности найти ихъ, или, какъ во Франціи, гдѣ законодательство не признаетъ обязательными расходы на попеченіе о бѣдныхъ ни для государства, ни для общины, а по-прежнему, какъ и въ средніе вѣка, отсылаетъ нуждающагося къ церкви и ея благотворительности. Насколько, по сравненію съ нищетою народныхъ массъ, недостаточна всякая государственная и церковная помощь бѣднымъ, — въ этомъ, особенно послѣ наблюденій, сдѣланныхъ также и въ Англіи, теперь мало кто сомнѣвается. Но требованія нашего нравственнаго чувства направляются уже главнымъ образомъ не противъ недостаточности милостыни, но противъ формы милостыни вообще. Тотъ минимумъ средствъ для существованія, который позволяетъ вести нравственную жизнь, мы не желаемъ болѣе предоставлять доброй волѣ, мы требуемъ его для низшихъ классовъ какъ ихъ *права*. Естественные законы чисто эгоистически организованной экономической жизни не въ состояніи предохранить отъ величайшихъ аномалій въ распредѣленіи имущественныхъ благъ. Точно также ни благороднѣйшіе нравы, ни величайшая благотворительность и гуманность имущихъ не могутъ привести къ тому, чтобы всякое распредѣленіе доходовъ, даже самое

ненормальное, признавалось - бы справедливымъ. И такъ, ни отъ политической экономіи, ни отъ этики не можемъ мы ждать спасенія, а только отъ законодательства, которое облечетъ въ твердыя правовыя нормы тѣ минимальныя нравственныя требованія, которыя оказываются противоположными нашей экономической жизни. Мы обращаемся, слѣдовательно, къ высшему источнику права, къ *государству*.

Но здѣсь нельзя не упомянуть еще объ одной теоріи, едва ли не болѣе предупредительной и многообъясняющей, чѣмъ церковныя общества, а именно о *соціализмѣ*. И онъ даетъ отвѣтъ на нашъ вопросъ, но отвѣтъ, діаметрально противоположный всему вышесказанному.

На мѣсто абстрактнаго отдѣленія политической экономіи отъ этики онъ ставитъ требованіе ихъ полнаго взаимнаго проникновенія; взаимнѣ нравственно направляемой свободной воли индивидуума онъ выдвигаетъ всеобъемлющую организацію, и требованіе государственнаго регулированія предъявляется имъ не только по отношенію къ минимуму существованія, но и ко всему строю жизни.

Старая истина, что крайности сходятся, и здѣсь оправдалась. — Сторонники первой теоріи отнимаютъ у жизни ея нравственную опору, потому что они лишаютъ нравственность всякаго прочнаго основанія и предоставляютъ хозяйственной жизни идти своими собственными путями; сторонники же социализма уничтожаютъ нравственность, потому что они вообще не даютъ ей возможности развиваться, а всю

жизнь индивидуума втискиваютъ, какъ составную часть машины, въ строгія, точно установленныя рамки предписаній и неизмѣннаго порядка. Тамъ слишкомъ мало, тутъ слишкомъ много руководства; тамъ каждый на свой рискъ можетъ сколько угодно разбогатѣть, но также, будучи оставленнымъ Богомъ и людьми, умереть съ голода; тутъ государство всегда заступается за cadaго, кто только однажды законнымъ образомъ былъ внесенъ въ его списки, но зато онъ долженъ позволить государству вмѣшиваться въ его интимныя и личныя отношенія, распорядиться его силами и подчиниться всемогущей волѣ, которая извнѣ опредѣлитъ содержаніе и цѣль его жизни.

Итакъ, между тѣмъ какъ система социализма диаметрально противоположна теоріи «laissez faire», обѣ онѣ не больше какъ смѣлыя абстракціи, котрымъ на почвѣ конкретной дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ и соотвѣтствовать не можетъ. Подобно тому, какъ теорія «laissez faire» въ абсолютной своей чистотѣ не была проведена ни въ какомъ государствѣ, потому что прежде всего это государство само должно было-бы погибнуть, точно также мало можно надѣяться на возможность когда-нибудь осуществить социалистическое государство, потому что этимъ самымъ отпала-бы двигающая сила всякаго прогресса, т. е. свободная личность съ ея проявленіями въ области теоріи и практики.

Если мы хотимъ поступать дѣйствительно научно, то мы должны себѣ составить нашъ идеаль



общественнаго развитія только въ томъ направленіи, которое намъ указываютъ общіе законы развитія всего органическаго. Всякій организмъ, какъ самый совершенный, такъ и самый простой, есть соединеніе въ одно цѣлое различнѣйшихъ частей. Если таковъ высшій законъ органическаго образованія, то его совершенство не можетъ состоять въ томъ, чтобы объединяющее соединеніе отдѣльныхъ частей, происходящее въ видахъ цѣлаго, уничтожило ихъ индивидуальное различіе и свободу, или, наоборотъ, чтобы безграницный индивидуализмъ дѣлалъ-бы невозможнымъ единое совмѣстное дѣйствіе отдѣльныхъ частей и вредилъ-бы такимъ образомъ благу всего цѣлаго. Поэтому цѣль соціально-политическаго развитія не въ томъ, чтобы уничтожить такія, напримѣръ, противоположности, какъ централизація или децентрализація, государственная власть и личная свобода, но въ томъ, чтобы ихъ по возможности уравновѣсить. Подтверженіемъ тому служить, кажется, и исторія. Мы встрѣчаемся въ ней съ многочисленными случаями колебанія государственныхъ организацій въ одну или въ другую сторону, но нигдѣ не замѣчаемъ и малѣйшаго признака какой-нибудь равномѣрной и сколько-нибудь ясной линіи развитія, которая-бы вела отъ одной крайности къ другой.

Но въ какомъ видѣ можно себѣ представить эту творческую правовую дѣятельность государства, которая должна выразить въ прочныхъ установленіяхъ противодѣйствіе нашего нравственнаго чув-

ства противъ экономическихъ золь нашего времени? Въ цѣляхъ нашего изложенія мы можемъ на этомъ остановиться только въ общихъ чертахъ. Исходить слѣдуетъ изъ нравственныхъ требованій; а то, какую конкретную форму могутъ они принять при данныхъ условіяхъ, должно составить предметъ тщательнаго изслѣдованія политики и политической экономіи.

Нравственная же идея, которая должна составлять оживотворяющій центръ всѣхъ единичныхъ требованій, не можетъ быть лучше выражена, какъ слѣдующими словами Канта: «главнымъ нашимъ правиломъ должно быть — въ каждомъ человѣкѣ видѣть также и цѣль и никогда не считать его только средствомъ».

Отсюда проистекаетъ необходимость въ существованіи такой правовой системы, которая, конечно, прежде всего соотвѣтствовала-бы новымъ потребностямъ времени и гигантскому развитію современной экономической жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы она не просто изъ какого-нибудь архива извлекла учрежденія давно минувшаго прошлаго, а чтобы въ этомъ приспособленіи къ современному положенію вещей она возстановила принципъ равномерно распредѣляющей справедливости, стараясь поддержать слабого и воспрепятствовать сильному въ его безпощадно-настойчивомъ стремленіи къ выгодѣ. Здѣсь самымъ рѣшительнымъ образомъ нужно указать на то, что государство своими правовыми опредѣленіями должно не



только освящать или кодифицировать то, что и безъ того существуетъ уже въ общемъ сознаниі, но оно должно также вліять на общество въ нравственномъ и воспитательномъ отношеніи, стараясь предохранить идеалы времени отъ вліянія измѣнчивыхъ мнѣній и сужденій людей, придавъ имъ прочность юридическихъ нормъ и правилъ, освященныхъ его авторитетомъ.

Въ такомъ государственно-педагогическомъ воздѣйствіи нуждаются нѣкоторые высшіе круги нашего общества точно такъ же, какъ и низшіе. Ужь слишкомъ привыкло современное общество считать богатство, все равно откуда-бы оно ни происходило, социальнo вполне признаннымъ. Слишкомъ также распространено мнѣніе, что чрезвычайная забота о своемъ существованіи, столь удручающая массу людей, есть неустранимое условіе нашей культуры, и что было-бы проступкомъ противъ культуры, еслибы кто только изъ-за того, чтобы исполнить долгъ чelовѣчности, сталъ платить высшую плату или соглашаться на лучшія условія, чѣмъ тѣ, которыя, быть можетъ, требуются въ данную минуту состояніемъ «рабочаго рынка».

Но самое лучшее, что въ сущности оставалось бы въ этой заботѣ о благѣ народныхъ массъ сдѣлать богачамъ, вообще не можетъ быть вынуждено законодательнымъ путемъ, а лишь произведено нравственными силами, и этого слѣдуетъ ожидать отъ энергическаго оживленія общественнаго духа.



Но при этомъ было-бы, пожалуй, очень хорошо, если бы государство законодательными постановленіями, указывало на то, что въ слишкомъ неравнобѣрномъ распредѣленіи имуществъ оно не видитъ ничего желательнаго; если бы государство такъ устраивало свой центральный банкъ, чтобы онъ доставлялъ благодѣтельный кредитъ не только крупному капиталу, но и мелкому производству; если бы государство самымъ рѣшительнымъ образомъ клеймило безчисленные, несомнѣнно безчестные, способы заработка, связанные съ современнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ; если бы оно запрещало недостойную конкуренцію, поскольку она вообще поддается законодательнымъ опредѣленіямъ, и договору о наймѣ давало-бы такую форму, которая исключаетъ извѣстное злоупотребленіе рабочей силой, и если бы, наконецъ, государство, поскольку оно само является работодателемъ, шло впереди своимъ хорошимъ примѣромъ.

Но, такъ называемый, социальный вопросъ имѣетъ и свою обратную сторону. Вѣдь, дѣло не только въ томъ, какъ ограничить эгоизмъ сильныхъ и имущихъ, а въ томъ, какъ правильно направить эгоизмъ народныхъ массъ и предохранить общество отъ саморазрушенія. Нельзя себѣ представить и именно въ такую эпоху народныхъ движеній, какъ наша, болѣе опаснаго заблужденія, какъ то, что будто-бы ничего больше не нужно, какъ запретить закономъ ростовщичество, умень-

шить рабочій день, увеличить законодательнымъ образомъ всѣ формы заработной платы, а всѣ государственные и общественные расходы покрыть путемъ, по возможности прямого, прогрессивнаго подоходнаго налога съ богатыхъ. При большой невоспитанности въ экономическомъ отношеніи и недостаткѣ самообладанія, весьма частыхъ въ низшихъ классахъ, всякая реформа, дѣйствительно преслѣдующая общегосударственныя цѣли, а не только желающая дать народнымъ массамъ возможность въ теченіе извѣстнаго времени кормиться на счетъ капитала національнаго богатства, должна будетъ и въ этомъ отношеніи прежде всего разрѣшить воспитательныя задачи. Но достигнуть этого можно никакъ не увеличеніемъ существующихъ учебниковъ, прибавленіемъ какого-нибудь новаго катехизиса для поученія нашихъ гражданъ. Правда, нельзя отрицать, что ознакомленіе съ главнѣйшими государственными правами и обязанностями должно было-бы составить въ нашихъ народныхъ школахъ необходимое дополненіе нравственно-религіознаго обученія. Но было-бы неосновательно желать законодательнымъ путемъ оказывать воздѣйствіе на увеличеніе участія рабочаго въ прибыляхъ производства и улучшеніе условій работы, еслибы въ то же время не была сдѣлана попытка повліять на то, какъ рабочій классъ вообще пользуется повышеніемъ платы, т. е. сколько онъ сберегаетъ и капитализируетъ и сколько онъ обращаетъ на большее удовлетвореніе своихъ потребностей, затѣмъ

и на то, въ чемъ послѣднее выражается: въ потворствѣ ли низкимъ страстямъ или въ стремленіи улучшить и облагородить весь свой образъ жизни.

Итакъ, при всякомъ проведеніи въ жизнь какой-нибудь социальной реформы, необходимо воспитательное воздѣйствіе на народъ, и оно должно въ такой-же степени распространяться на взрослое, какъ и на подростяющее поколѣніе. Въ отношеніи къ послѣднему это значило-бы расширить столь употребительное, но въ теоріи и на практикѣ довольно часто неправильно понимаемое, понятіе «народнаго образованія» въ понятіе «народнаго воспитанія» и доставить современной школѣ средства стать въ полномъ смыслѣ слова «народно-воспитательнымъ заведеніемъ». Насколько одно только знаніе является обоюдоострымъ орудіемъ въ рукахъ современной молодежи, и какъ мало можетъ принести пользы увеличеніе догматическаго обученія религіи,—это очевидно теперь для всѣхъ. И вотъ поэтому прежде всего необходимо вступить въ борьбу съ все увеличивающимся, особенно въ большихъ городахъ, одичаніемъ нашей молодежи путемъ организаціи надзора за ней и руководства, которые-бы простирались на внѣшкольное время. Такая организація составила бы практическое дополненіе къ теоретическому знанію, выносимому изъ школы, и замѣняла-бы или исправляла чрезъ органы публичнаго воспитанія во многихъ случаяхъ столь несовершенное или даже превратное вліяніе родителей, весьма важное для образованія молодыхъ характе-

ровъ. Возникшія за послѣднее десятилѣтіе въ нѣсколькихъ городахъ общества народнаго воспитанія съ ихъ благодѣтельной и плодотворной дѣятельностью, хотя, къ сожалѣнію, все еще простирающейся на небольшіе круги, образуютъ прототипъ народной школы будущаго, которая составитъ одну изъ важнѣйшихъ частей великаго дѣла соціальной реформы.

Что-же касается поколѣнія взрослыхъ, то до сихъ поръ сдѣланныя наблюденія и примѣры различныхъ государствъ указываютъ на широкую систему страхованій, какъ на весьма важное средство привести экономически-нравственную силу и стремленія рабочаго класса, всегда имѣющія въ виду будущее, на болѣе высокую степень развитія. Страхуваніе дѣйствуетъ совершенно обратнымъ образомъ, чѣмъ подаваніе: оно не унижаетъ человѣческаго достоинства, а, напротивъ того, вліяетъ на характеръ возвышающимъ и укрѣпляющимъ образомъ. Еще вѣрнѣе эта цѣль достигается системой извѣстнаго участія рабочаго въ прибыляхъ, при чемъ часть ихъ идетъ, какъ премія, въ сберегательную кассу рабочихъ, часть же вкладывается въ самое предпріятіе. Здѣсь имѣется величайшая увѣренность въ томъ, что тѣ жертвы, которыя приносятся для поднятія матеріальнаго благосостоянія рабочаго сословія, дѣйствительно приведутъ къ нравственному и экономическому его улучшенію и выразятся въ повышеніи его производительныхъ способностей. Само собой понятно,



что эта система участія въ прибыляхъ производства можетъ, на первыхъ порахъ, получить распространеніе не законодательнымъ образомъ, а только, такъ сказать, путемъ благотворительности. При этомъ, конечно, здѣсь вовсе не исключается тотъ весьма частый случай, что совершенно свободно возникавшія формы социальныхъ соединеній становятся со временемъ юридически необходимыми и получаютъ правовой характеръ.

Всякое же законодательство и всякое съ нимъ связанное поднятіе благосостоянія низшихъ классовъ надолго будетъ весьма сомнительнымъ, если нашему, полному сознанія своихъ цѣлей, народно-воспитательному воздѣйствію не удастся возстановить роковымъ образомъ потеряннаго равновѣсія между принципами экономическими и этическими.

Выше уже пришлось намъ противопоставить съ экономической точки зрѣнія неоспоримому положенію: «всякій трудъ есть товаръ» основной этической принципъ: «человѣкъ не есть только средство», при чемъ было указано на настоящую необходимость ихъ примиренія. Тутъ является другой вопросъ: можетъ ли извѣстный экономическій принципъ, по которому развитіе человѣчества тѣмъ выше, чѣмъ выше его потребности, претендовать на значеніе высшаго и исключительнаго принципа?

Кто увеличиваетъ потребности человѣка, тотъ дѣлаетъ его этимъ самымъ, конечно, бодрѣе, дѣятельнѣе, и если онъ своимъ трудомъ въ состояніи





удовлетворить эти потребности, то онъ несомнѣнно будетъ себя чувствовать внутренно лучше; онъ будетъ ощущать болѣе интенсивное чувство счастья, чѣмъ тотъ, кто живетъ въ душной атмосферѣ существованія изо дня въ день.

Но если потребности растутъ быстрѣе, чѣмъ средства къ ихъ удовлетворенію? Это «если» и есть, наперекоръ всякой политической экономіи, главное и великое зло нашего времени. Дѣйствительно, если посмотрѣть только на массу имѣющихся и подлежащихъ пользованію благъ, то наше время можетъ быть поставлено далеко выше прежнихъ, и въ этомъ смыслѣ политическая экономія, пожалуй, будетъ права. Правда и то, что въ современномъ мірѣ, при относительно очень небольшихъ жертвахъ, ежеминутно удовлетворяются сотни потребностей, о которыхъ люди прошлыхъ временъ не имѣли вообще никакого понятія, или которыя, если они уже и проявлялись, оставались-бы предметомъ неисполнимаго желанія. Правда также, что это увеличеніе человѣческихъ потребностей было для нашего поколѣнія безконечнымъ побужденіемъ къ дѣятельности, увеличило наше богатство и наши средства въ сотни разъ, создало въ высшей степени совершенную техническую обработку сырыхъ продуктовъ; оно же произвело необычайное увеличеніе народонаселенія вслѣдствіе оказавшагося спроса на рабочія силы, которыя были необходимы для преодоленія этой громадной задачи. Но большая часть этихъ потребностей выз-

вана искусственно; ищущій приложенія капиталъ и нуждающаяся въ сбытѣ промышленность стремятся къ тому, да и должны къ тому стремиться, чтобы все новыми соблазнами, новыми формами неустанно работающей изобрѣтательности, обрашающейся даже на мелочи, а также путемъ наибольшей, какую только себѣ можно представить, дешевизны продуктовъ безпрестанно увеличивать потребности людей, хотя-бы то и были въ большей своей части лишь воображаемыя или привитыя извнѣ.

Неимущей массѣ народу, которая однако успѣла пріобрѣсти многообразныя потребности, въ самыхъ яркихъ и самыхъ привлекательныхъ краскахъ показывается многое, отъ чего она должна отказаться; такимъ образомъ въ ней развиваются неумѣренныя желанія, проявляющіяся въ невинной формѣ страсти какъ можно больше покупать. Ей, впрочемъ, вѣдь меньше всего можно ставить въ вину, когда она со страстнымъ желаніемъ и даже съ нѣкоторою завистью смотритъ на то, что могло бы хотя нѣсколько смягчить и скрасить тяжелый гнетъ ея жизни. Но и состоятельные и богатые люди подчинены необходимости видѣть все большее возрастаніе своихъ потребностей вслѣдствіе массы окружающихъ ихъ благъ. Оно еще болѣе увеличивается благодаря привычкѣ сравнивать себя съ другими и еще сильнѣе разжигающему желанію не отставать отъ нихъ. Въ этой постоянной погонѣ и борьбѣ за благами даже и самый бо-



гатый не чувствуетъ себя достаточно богатымъ, чтобы поступиться въ пользу другихъ хотя-бы частицей своихъ правъ. Кто становится на эту точку зрѣнія, тотъ видитъ насквозь наше время до мельчайшихъ подробностей, тотъ понимаетъ его безпокойную суетню и торопливость, слѣпую погоню за благами, которыя въ минуту ихъ удовлетворенія уже превращаются въ новыя потребности, тотъ замѣчаетъ это пессимистическое пресыщеніе жизнью, столь прочно и неискоренимо утвердившееся въ современномъ обществѣ. Посреди необычайнаго развитія могущества и богатства нельзя, однако, замѣтить, чтобы жажда пріобрѣтенія хоть сколько-нибудь уменьшилась въ имущихъ классахъ, ни того, также, чтобы замѣтнымъ образомъ увеличилась удовлетворенность низшихъ рабочихъ классовъ, хотя и легко указать съ цифрами въ рукахъ на улучшенія, послѣдовавшія въ общихъ условіяхъ ихъ жизни. Печальная, но общеизвѣстная истина, что наше время, снабженное всевозможнѣйшими средствами пользоваться благами жизни, дѣйствительнаго наслажденія почти не знаетъ, такъ какъ оно всего ожидаетъ извнѣ, такъ какъ приготовленія къ наслажденію сдѣлались настолько хлопотливыми, что они сами всегда поглощаютъ три четверти наслажденія; и поэтому *одна* потребность возможно больше имѣть настолько стала сильнѣе всѣхъ другихъ, что на этомъ пути мыслимо постоянное увеличеніе предметовъ производства и средствъ къ наслажденію, при чемъ однако въ

то же время не увеличится сколько-нибудь существеннымъ образомъ счастье ни одного человѣка.

Тутъ нельзя ожидать никакого спасенія, пока будетъ сохранять значеніе само собою понятной основы практической жизни та политико-экономическая аксіома о необходимости постояннаго возрастанія потребностей какъ у образованныхъ, такъ и необразованныхъ, какъ у имущихъ, такъ и у неимущихъ. Кто позволяетъ своимъ потребностямъ постоянно расти, въ душѣ того будетъ неизбѣжнымъ образомъ слишкомъ мало мѣста для истинно веселаго удовольствія, и онъ всегда при всякихъ обстоятельствахъ будетъ считать себя недостаточно богатымъ, чтобы имѣть возможность принести жертву на алтарь общества и его блага.

И здѣсь мы сталкиваемся съ глубоко идущимъ противорѣчіемъ между политической экономіей и этикой, противорѣчіемъ, требующимъ примиренія. Одна знаетъ только внѣшнія, другая только внутреннія блага; одна хочетъ видѣть увеличеніе человѣческихъ потребностей съ тѣмъ, чтобы больше вырабатывалось, больше производилось, чтобы сумма существующихъ цѣнностей увеличивалась. Этика же всѣхъ временъ учила человѣчество ограничивать свои потребности и въ ихъ неимѣніи находить свое счастье, которое тѣмъ больше удаляется отъ человѣка, чѣмъ больше расширяется кругъ того, что является наиболѣе желаемымъ въ жизни.

✓ Часто говорятъ объ этическомъ матеріализмѣ, объ эпикуреизмѣ нашихъ промышленныхъ и ка-

питалистическихъ героевъ. Въ дѣйствительности врядь-ли существуютъ двѣ большія противоположности, чѣмъ та радостная удовлетворенность, то разумное самоограниченіе своихъ потребностей, которыя отличаютъ кружокъ друзей Эпикура и его школу, и тотъ образъ жизни, который господствуетъ во многихъ кругахъ нашего современнаго культурнаго общества. Но, разумѣется, этимъ указаніемъ на нравственное требованіе отсутствія потребностей мы вовсе не хотимъ, какъ это дѣлалъ Руссо, отрицать всю нашу матеріальную культуру или утверждать, что намъ слѣдуетъ вернуться къ состоянію бѣдныхъ, но счастливыхъ дикарей. Этика, которая упустила-бы изъ вниманія, что усовершенствованіе матеріальныхъ условій жизни всегда составляло основу высшаго духовнаго развитія, носила-бы по необходимости квѣтистической и враждебной всякой культурѣ характеръ и, при нашихъ современныхъ условіяхъ, врядь-ли нашла-бы себѣ еочувствіе. Но еще менѣе должна забывать этика,—и на это надо особенно указать,—что счастья нельзя купить, какъ всякій товаръ; оно всегда есть равновѣсіе между внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ человѣка, а это равновѣсіе можетъ быть достигнуто только тамъ, гдѣ трудъ и наслажденіе не составляютъ противоположностей, а наоборотъ, всякая работа, являясь исполненіемъ долга въ человѣческомъ обществѣ, заключаетъ уже въ себѣ самой извѣстную долю наслажденія.

Принципъ труда въ соціально-этическомъ смыслѣ



образуетъ поэтому необходимое дополненіе къ чисто экономическому понятію труда. Трудъ только тогда дѣйствительно можетъ быть облагороженъ, если всѣмъ руководить и направляетъ сознаніе идеальныхъ цѣлей общества, а не исключительное стремленіе къ вещественнымъ благамъ. И такая организація труда вообще возможна только тамъ, гдѣ внѣшнія и отчасти даже просто условныя потребности индивидуумовъ не разрастаются до безконечности, а въ сознаніи возможно большаго числа людей существуетъ пониманіе необходимости и полезности самоограниченія.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы можемъ разсмотрѣть послѣдній и труднѣйшій вопросъ, съ которымъ мы встрѣчаемся въ области соціальной жизни, а именно вопросъ объ избыткѣ населенія.

Очень легко показать, что тенденція увеличенія народонаселенія въ общемъ имѣетъ благотворное вліяніе на развитіе человѣчества да и всего органическаго міра вообще. Число людей должно быть большее, чѣмъ то, которое, при данныхъ условіяхъ жизни, можетъ легко и удобно существовать: это нужно для блага духовнаго и нравственнаго прогресса человѣчества, ради того, чтобы побудить живущихъ къ возможно большому напряженію силъ и произвести постоянное вытѣсненіе менѣе годныхъ элементовъ болѣе совершенными. Но какихъ-бы выгодъ мы ни ожидали отъ постоянно продолжающагося увеличенія населенія и тѣсно съ нимъ связанныхъ раздѣленія труда и образованія новыхъ



отраслей производства, никакое здравое разсужденіе не можетъ утверждать, что при общихъ экономическихъ условіяхъ существованія націи, даже и въ случаѣ нормальнаго раздѣленія національнаго дохода, можетъ имѣть мѣсто какое угодно увеличеніе народонаселенія и будто-бы оно не приведетъ къ тому состоянію массовой нищеты, на существованіе которой въ нѣкоторыхъ центрахъ нашей современной цивилизаціи мы такъ часто жалуемся. Чтобы поставить это положеніе внѣ всякаго сомнѣнія, достаточно принять систему абсолютно-справедливаго распредѣленія доходовъ, какъ это обѣщаетъ соціалистическое идеальное государство. Долгое время представители соціалистической теоріи ожидали отъ такой всеобъемлющей регулировки также разрѣшенія вопроса объ избыткѣ населенія и не только вообще боролись со всякимъ писателемъ, ссылавшимся на законъ Мальтуса, но и приписывали ему безнравственныя предложенія, которыя обозначались какъ специфическіе грѣхи буржуазіи и съ негодованіемъ отвергались. Въ этой полемикѣ было обращено слишкомъ мало вниманія на слѣдствія, вытекающія изъ ихъ собственной системы и приводящія къ совершенно другимъ заключеніямъ. Только въ чисто правовомъ государствѣ, держащемся теоріи невмѣшательства, можетъ существовать первоначальное и основное право каждого гражданина осчастливить общество какимъ-угодно потомствомъ потому именно, что онъ самъ долженъ о нихъ заботиться. Въ чисто соціалистическомъ

государствѣ, которое гарантируетъ всѣмъ и каждому изъ своихъ членовъ право на трудъ, полное обезпеченіе и соотвѣтствующую долю въ общихъ доходахъ, дѣло обстоитъ совершенно другимъ образомъ. Врядъ-ли кто рѣшится утверждать, что въ такомъ государствѣ спросъ на рабочія руки не долженъ отставать отъ его предложенія, тѣмъ болѣе, что это предложеніе, конечно, увеличится въ быстро возрастающей прогрессіи въ томъ случаѣ, если индивидъ будетъ государствомъ освобожденъ отъ заботы о содержаніи своего потомства. И такимъ образомъ и социалистическое государство очень скоро очутилось-бы въ тѣхъ тягостныхъ условіяхъ, которыя создали современный массовый пролетаріатъ. Тотъ источникъ безконечнаго несчастья, что многія услуги никѣмъ не требуются въ обществѣ, вслѣдствіе-ли чрезмѣрнаго предложенія, или вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ экономическомъ производствѣ, и что всегда есть множество людей, которые ничего другого, кромѣ этихъ своихъ услугъ, предложить не могутъ,—этотъ источникъ горя вѣдь не изсякнетъ и въ социалистическомъ государствѣ, а, напротивъ того, будетъ еще сильнѣе и обильнѣе.

Изъ исторіи современнаго пролетаріата мы видимъ, какъ быстрое размноженіе извѣстныхъ классовъ ведетъ ихъ ко все увеличивающемуся бѣдствію: отсюда слѣдуетъ, что вполне солидарное общество, не ставящее никакихъ границъ безпрепятственному размноженію своихъ членовъ, съ без-



условной необходимостью приведетъ къ тому, къ чему въ нашемъ современномъ обществѣ, живущемъ, въ противоположность началу солидарности, на принципѣ свободной конкуренціи, пришелъ себѣ самому предоставленный пролетаріатъ. Эта солидарность обозначаетъ, слѣдовательно, не что иное, какъ стихійно-необходимое пониженіе культурнаго уровня всего социалистически организованнаго общества.

Итакъ, исходя и изъ этой новой точки зрѣнія, мы снова приходимъ къ уже упомянутому выше требованію органическаго примиренія между одинаково далеко идущими противоположностями. На одной сторонѣ вызванная избыткомъ рабочихъ рукъ и несправедливымъ распредѣленіемъ доходовъ народная нищета, на которой живетъ все выше и выше поднимающійся и доходящій до крайней утонченности уровень культуры богатыхъ людей: это—пирамида, вершина которой достигаетъ головокружительной высоты, а сгнившее основаніе каждую минуту грозитъ обратить великолѣпное зданіе въ развалины. На другой сторонѣ мы видимъ требованіе полнѣйшей общественной солидарности, безусловное право индивида на трудъ, забота объ его обезпеченіи, предоставленіе права какъ угодно размножаться, увеличеніе числа участниковъ въ національномъ доходѣ, и при этомъ увеличеніе, гораздо меньшее, чѣмъ повышеніе производства: это—безконечно простирающаяся равнина, покрытая низкимъ и чахлымъ кустарникомъ, который не даетъ

подняться ни одному дереву, чтобы оно не отняло жизни и влаги у кругомъ растущихъ уродцевъ.

Между этими-то крайностями и нужно лавировать: вотъ путь, который указываетъ всякая разумная государственная политика. И здѣсь опять-таки дѣло сводится въ концѣ концовъ къ нравственнымъ принципамъ упорядоченнаго образа жизни. На утверженіе ихъ и должна быть обращена народно-воспитательная дѣятельность государства. Но это не можетъ быть достигнуто старомодными ограниченіями вступленія въ бракъ въ духѣ извѣстнаго реакціоннаго направленія, ибо опытъ достаточно показалъ, что человѣку можно, правда, запретить вступить въ бракъ, но нельзя запретить производить дѣтей; не могутъ помочь дѣлу также такіе рецепты, какіе отъ времени до времени предлагались представителями неомальтузіанства \*). Дѣйствительное средство противъ извѣстнаго избытка населенія, происходящаго вслѣдствіе легкомыслія и недостатка чувства долга по отношенію къ своему потомству, можетъ быть найдено только тогда, если культурнымъ народамъ удастся поднять большую часть своихъ рабочихъ классовъ на высоту современнаго средняго сословія, обезпечивъ имъ умѣренное, но зато до извѣстной степени прочное благосостояніе, если имъ удастся, путемъ поднятія эконо-

---

\*) См. объ этомъ статью П. И. Янкула въ его книгѣ «Очерки и изслѣдованія». Т. I. гл. II.

номического смысла и предоставленія возможности вести болѣе облагороженную семейную жизнь, а также путемъ введенія строгихъ и прочныхъ нравовъ и соотвѣтствующей воспитательной системы низшихъ слоевъ населенія, по крайней мѣрѣ хоть сколько-нибудь согласить происходящее въ дѣйствительности ихъ размноженіе съ существующимъ запасомъ средствъ существованія.

На этомъ да позволить намъ читатель остановиться. Этотъ чрезвычайно обширный вопросъ нельзя было-бы вполне исчерпать и въ изложеніи далеко большемъ нашего. Для насъ достаточно, если намъ удалось этими немногими страницами содѣйствовать утвержденію того убѣжденія, что для нашего современнаго культурнаго міра весьма важно найти настоящую середину между полнымъ предоставленіемъ свободы дѣйствію общественныхъ силъ и бреднями пустыхъ утопій. Если внѣ сомнѣнія, что всякая культура въ концѣ концовъ должна погибнуть вслѣдствіе проявленія безграничнаго эгоизма своихъ членовъ, то такъ-же несомнѣнно, что такъ-же губительно можетъ быть для нея безграничное чувство жалости всѣхъ ко всѣмъ. Граница-же между этими двумя принципами: между индивидуальностью и общественностью, между аристократической и демократической культурой, не можетъ быть опредѣлена по такимъ простымъ рецептамъ, какъ это думаютъ манчестерцы \*) и социалисты. Ее

---

\*) Послѣдователи экономической школы, извѣстной подъ именемъ

трудно опредѣлить даже въ индивидуальной, а тѣмъ болѣе въ социальной жизни. Ни политическая экономія, ни этика не въ состояніи выразить точной формулой, сколько каждый въ отдѣльности, смотря по своему состоянію и обстоятельствамъ, себѣ самому долженъ, и сколько онъ долженъ другимъ. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь при условіи постоянного прогресса искусства управленія государствомъ и личной жизнью.

Всѣ мы хорошо знаемъ и ежедневно въ этомъ убѣждаемся, что время мира, въ которое мы живемъ, есть эпоха неустаннаго и усиленнаго соревнованія между народами, эпоха міровой борьбы, къ которой въ гораздо большей степени, чѣмъ къ войнѣ, можно примѣнять слова греческаго мудреца, сказавшаго «она есть мать вещей». Ибо эта борьба за могущество, среди усиленнаго мирнаго труда, есть вмѣстѣ съ тѣмъ борьба за культуру, въ томъ полномъ смыслѣ слова, въ какомъ она обозначаетъ господство человѣка какъ надъ силами природы, такъ и надъ своей собственной волей. И въ этомъ смыслѣ единственной порукой успѣха является направляющее всякій трудъ убѣжденіе, что побѣда принадлежитъ лучшему!

---

«манчестерской» (главными ея представителями являются Ричардъ Кобденъ и Джонъ Брайтъ). Они требовали полной свободы во внѣшней торговлѣ и предоставленія экономической жизни ея собственному теченію, не допуская государственнаго вмѣшательства. Название свое школа получила отъ г. Манчестера, въ которомъ началось это движеніе.

*Прим. перев.*